

НА ЯРКОМ ВЕСЕЛОМ ГРИМЕ блестяли бирюшки пота. Странно. Когдамотришь из зала, не возникает впечатления, что это тяжело — немного побегать, немного потанцевать, немного пожонглировать. Только где-то в подсознании — удивление: ни секунды на месте не стоит, как заведенный. А здесь за кулисами — пот на гриме.

Он взял мою руку: «Ну-ка, послушайте сердце!» Я приложил руку к его груди и понимаю кивнул. А про себя подумал: «Как на стометровке». Внезапно алые губы разошлись в улыбке, кругляшок забавного носа задрался еще выше, и он сказал: «Извините, покидаю вас, у меня музыкальный номер». Я в очередной раз удивился: «Ну и ну, после такой беготни — и на тубе играть?!»

В тот вечер я, как и все кировчане в цирке «шапито», впервые услышал это имя — Гоша Афанасьев. И впервые увидел обладателя этого имени. «Молодой, силы некуда девать», — ухмылялся сидевший рядом со мной мужчина. Я очень жалел, что не было моего соседа за кулисами. Он бы посмотрел на клоуна Афанасьева поближе и попридержал свою самоуверенность. Молод духом? Да! Молод телом? Да! А снимет рыжий клоуновский парик, и в паспорт смотреть не надо: скоро полувеквой юбилей справлять будет.

...Я сижу в вагончике Афанасьева. Гелий Александрович убежал — у него очередной выход. Разглядываю гримерные принадлежности и представляю себе, что он сейчас делает на манеже: как заправский эквилибрист, взбирается на лестницу, затем висит в воздухе на тресе, а по висев несколько секунд, достает огромные ножницы и — цирк! В зале — смех, а Гоша убегает за кулисы, чтобы подготовиться к следующему номеру: надеть другой пиджак (прежний — хоть выжимай!), шляпу, что-то по карманам разложить. И в этих мизерных перерывах и в антрактах проходила наша беседа.

В шестнадцать лет Гелий Афанасьев ушел добровольцем на Балтийский флот. Но воевать не пришлось — почти перед самой победой это было. Кончилась война, а служ-

ба продолжалась. Так бы и служил Афанасьев, но в чине лейтенанта был списан на берег.

— Нашли у меня врачи кислотность нулевую и говорят: в запас, мол, надо вам. И встал выбор — куда идти? Перевесила страсть к искусству — с детства в кружках художественной самодеятельности пел, читал, плясал, да к тому же еще рисовал и лепил.

С документами ходил и во

ну — тем более. Каждый вечер он выходит, чтобы рассмешить публику, доставить ей удовольствие, поднять настроение. Этого просто так — тят-ляп — не сделаешь...

Наш разговор прервал голос ведущего: «Девушки-джигиты под руководством Валентины Деевой!» Гелий Александрович вскричал: «Мой выход». И я поймал себя на мысли, что он не только заполняет паузы, но и выходит почти в каждом номере. И от-

Откуда такая выносливость, высокая спортивная форма? Афанасьев похлопывает по левой стороне груди: «Сердце. Все дело в нем». Действительно, ежедневные утренние кроссы в течение многих лет и «моржевание» закаляли и натренировали сердце до такой степени, что, уходя в отпуск, он не снимает физические нагрузки, иначе сразу где-то что-то начнет болеть. Ну, и, конечно, сказались занятия боксом и борьбой в молодости.

Ну, ладно, сердце тренированное — это хорошо. А вот откуда противостояние всем этим бесконечным ушибам, ссадинам, переломам (однажды целое отделение с загипсованной рукой отыграл)? Ведь и с лошадой падал, и слоны Юрия Дурова подкидывали его так, что дух захватывало.

«Все дело в нем». Да, дело в сердце. В этом горячем, пышущем жаром большом искусстве сердце. Он влюблен в цирк, и эта любовь поддерживает огонь сердца, которое вот уже почти двадцать лет дарит людям радость. Он знает — его ждут. Ждут, чтобы еще раз увидеть веселого рыжеволосого клоуна в мешковатом клетчатом костюме и непомерно длинных штблентах. Ждут Гошу-каездника, Гошу-эквилибриста, Гошу-жонглера, Гошу-художника, Гошу-саксофониста и Гошу-острослова. Он многообразен, и он един. Его универсальность воспринимается как должное, и только после представления спохватываешься: «Постойте, да ведь он за десятерых работает!»

Да, за десятерых. Но это не от желания выставить себя, это образ. Художественный образ, который создавался годами. Даже сейчас, в 50 лет, он не собирается менять его. Можно было, конечно, сбавить «обороты»: не прыгать с лошади, поменьше ходить, побольше говорить... Но это был бы уже не Гоша Афанасьев.

Прекрасно, что в нашем цирке есть такой клоун. Плохо, что его универсальность почти уникальна сегодня. И от того, насколько скоро появятся такие клоуны на манеже, выиграет только цирк. Да и мы с вами, зрители, в накладе не останемся.

С. БОРОВКОВ.

ЦИРК ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

МХАТ, и в Щукинское училище... Но — неудача. Как-то в Щукинском увидел объявление: идет прием в цирковое училище на отделение клоунады. А почему бы не пойти? Цирк я знал, любил... И произошел именно тот случай, когда гора встретилась с Магометом. Кто здесь кто — гадать не будем. Главное, что эта встреча состоялась.

Уже тогда у него было трое детей. Родственники и знакомые увещевали: «Гоша, одумайся, как же ты, отец семейства — и в клоуны».

— Они считали профессию клоуна несолідным занятием, так — хи-хи, ха-ха... Но смех, как это ни банально, дело серьезное. Мы, артисты цирка, это знаем и понимаем и хотим, чтобы это знали и понимали все, кто хоть раз видел нас на манеже. За любой легкостью и непринужденностью, за любой виртуозностью — будь то артист цирка, балерина или фигурист — стоят ежедневные тренировки, ежедневная работа над собой. В цирке еще сложнее. Если спортсмены иногда месяцами и годами готовятся к соревнованиям, чтобы установить рекорд и победить, то нам приходится фактически каждый день «бить рекорды и побеждать», быть всегда на самом высоком уровне. А клоу-

нюю не как пассивный созерцатель, а как активный участник.

Пока шел номер, я вспомнил историю, рассказанную Афанасьевым. Он тогда работал в одной программе с наездниками Кук. И был там такой номер: клоун, сидящий на скачущей лошади, постепенно сползает к хвосту и падает, уцепившись за него рукой. «Проехав» таким способом два-три метра, он отпускает хвост. Все проходило нормально. Но однажды тугой и крепкий конский волос завился петлей вокруг пальца и... Все решили, что это очередная выходка веселого клоуна. А ему было не до смеха. Он уже не считал удары о манежный барьер. Хорошо, что лошадь не так резко бежала. Каким-то чудом поднял руку, ослабил петлю и, наконец, упал. Когда встал, в глазах какие-то кружочки и спиральки вертелись цветные. В зале, естественно, хохот, а ему бы только за кулисы уйти...

Другой бы к лошадям на километр после этого не подходил, а он в новой программе опять садится на скакуна, нацепив некое подобие кавказского головного убора из белого полотна, и опять падает. На этот раз вбок, на полном скаку. И так — каждый вечер.

«Дорогие друзья» 2. Рязань 1 авг 1976